

К. К. Арсеньев

**За четверть века (1871-94):
Сборник статей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. К. Арсеньев**
За четверть века (1871-94): Сборник статей / К. К. Арсеньев – М.: Книга
по Требованию, 2019. – 623 с.

ISBN 978-5-517-96636-0

ISBN 978-5-517-96636-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приближеніе къ концу долгой жизни и долгой, болѣе чѣмъ полувѣковой литературной дѣятельности заставляетъ оглядываться назадъ и располагаетъ къ сведенію итоговъ. Мои статьи, за небольшими исключеніями, разбросаны по журналамъ и газетамъ. Работа въ періодической печати не благоприятствуетъ остановкамъ; какъ Вѣчному Жиду приходилось все идти, идти, безъ отдыха и покоя, такъ журналисту приходится писать, писать, не думая о томъ, уцѣлѣетъ ли что-нибудь изъ его писаній. Правда, не долговѣчны; болшею частью, и книги; но все же онѣ имѣютъ то преимущество, что соединяютъ разрозненное и образуютъ изъ него нѣчто болѣе или менѣе цѣльное. Въ два выпущенные мною сборника: „Законодательство о печати“ (1903) и „Свобода совѣсти и вѣротерпимость“ (1904) вошли только немногія изъ числа внутреннихъ обзорѣній и общественныхъ хроникъ, напечатанныхъ мною въ „Вѣстникѣ Европѣ“. Просматривая остальные, я пришелъ къ мысли, что темы, которымъ они посвящены, не всѣ и не совсѣмъ отошли въ прошедшее. Русская государственная и общественная жизнь обновляется медленно и трудно; несмотря на крутой поворотъ, совершившійся въ ней десять лѣтъ тому назадъ, многое остается въ томъ же видѣ, играетъ ту же роль, возбуждаетъ тѣ же споры, какъ и при господствѣ стараго режима. Этимъ объясняется моя рѣшимость издать еще одинъ сборникъ моихъ статей.

Постояннымъ обзорѣвателемъ нашей внутренней жизни я сталъ въ 1880 г., незадолго до начала эпохи „контръ-реформъ“ или „преобразованій наоборотъ“. Первая часть этой эпохи закончилась въ 1894 г., со смертію императора Александра III-го. Ей и посвящена настоящая книга; къ болѣе

раннему времени относятся только двѣ первыя статьи, написанныя въ 1871 г., но сближаемая съ остальными общностью предмета. Семидесятыя годы были періодомъ реакціи, менѣе систематической, менѣе всеобъемлющей чѣмъ та, которая тяготѣла надъ Россіей въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій XIX-го вѣка, но исходившей изъ того же источника и проявлявшейся, отчасти, въ тѣхъ же формахъ. Не довѣряя ни обществу, ни народу, отступая передъ послѣдствіями собственныхъ своихъ мѣропріятій, все болѣе и болѣе отдавая мѣста охраненію отжившей старины, все менѣе и менѣе—проведенію новыхъ началъ государственнаго строительства, правительственная власть умножала, тѣмъ самымъ, число своихъ противниковъ; дѣйствуя, въ борьбѣ съ ними, внѣ закона или прямо вопреки закону, она усиливала ихъ вражду и обостряла способы ея выраженія. Когда я, пять лѣтъ спустя послѣ приступа къ осуществленію судебной реформы, задумалъ подвести ея первые итоги, я не могъ не остановиться на явной аномалии, которую представляло существованіе, рядомъ съ новымъ судомъ—третьяго отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, рядомъ съ правильно организованнымъ уголовнымъ процессомъ—произвольной административной расправы. Раскрытіе этой аномалии было цѣлью статьи, съ которой начинается настоящій сборникъ. Нѣсколькими мѣсяцами позже мнѣ пришлось принять участіе, въ качествѣ защитника, въ такъ называемомъ нечаевскомъ процессѣ—и я увидѣлъ воочію, къ чему ведутъ ничѣмъ не сдерживаемыя и ничѣмъ не оправдываемыя стѣсненія и преслѣдованія личной и общественной инициативы. Мнѣ кажется, что кое-что изъ сказаннаго мною тогда примѣнимо и къ обстоятельствамъ настоящаго времени... Предостереженіе, которому подвергся тогда „Вѣстникъ Европы“, можетъ служить матеріаломъ для характеристики взглядовъ, господствовавшихъ, сорокъ четыре года тому назадъ, въ административныхъ сферахъ—да и теперь едва ли всецѣло отошедшихъ въ прошлое.

Обозрѣнія и хроники, обнимающія собою промежутокъ времени съ 1881 по 1894 годъ, размѣщены въ сборникѣ въ хронологической послѣдовательности; это даетъ возможность прослѣдить постепенный ростъ направленія, надолго опредѣлившаго судьбы Россіи. Статья: „Послѣ 1-го марта“

(3-я по порядку) показывает, чего ожидали широкие круги русского общества при воцарении Александра III-го; последняя статья сборника воспроизводит взгляд тех же кругов на итоги царствования. Ряд статей посвящен отдельным моментам эпохи, заключенной между этими двумя крайними пунктами—манифесту 29-го апреля 1881 г., славянофильской агитации против берлинского трактата, „возвращению правительства“, решительному повороту от „народной политики“ к сословно-ретроградному течению,—и отдельным представителям ее в области управления: министрам юстиции Д. Н. Набокову и Н. А. Манасеину, министрам финансов Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскому. В других статьях идет речь о крупных финансовых вопросах (сбор с доходов от денежных капиталов, Дворянский Банк, заем с выигрышами, квартирный налог, мирские сборы), о положении дел в сферах народного просвещения (кризис высших женских курсов, высшая школа при действии нового университетского устава, „Кухаркины дѣти“), о положении суда, земства, печати. В половине восьмидесятых годов возникают и крепнут помѣщичьи притязания, достигающія своего апогея в концѣ столѣтія и воскресающія съ новыми надеждами послѣ паденія освободительной волны 1904—06 гг. Первые фазисы этого явления обрисованы въ нѣсколькихъ статьяхъ сборника („Сословное прожектерство“, „Дворянскія притязанія“, „Дворянскій Банкъ“). Въ особой статьѣ изображена своеобразная оппозиція, направленная противъ неугоднаго реакціонной кликѣ министра и сочувствовавшего ему большинства Госуд. Совѣта. Въ статьѣ „Холерные безпорядки“ намѣчена опасность назрѣвающей сословной розни—той розни, яркимъ выраженіемъ которой послужили, десять лѣтъ спустя, аграрные безпорядки на югѣ и въ центрѣ Россіи. Въ цѣломъ рядѣ статей затронутъ генезисъ вопросовъ, до сихъ поръ не сходящихъ съ очереди (вопросы еврейскій, финляндскій, національный, рабочій, клерикальный, объ административной расправѣ, о смертной казни, о „чести мундира“, объ офицерскихъ дуэляхъ). Въ тѣ времена чѣмъ-то новымъ были столь распространеншіея въ послѣдствіи „добровольцы“, „услужающіе“ господствующему направленію и добивающіе—или старающіеся добить—его противниковъ; появленіе этой

породы людей отмѣчено въ статьѣ: „Размноженіе добровольцевъ“. Нѣсколько статей (№№ 6, 43, 44) даютъ понятіе о томъ, къ чему стремились тогдашніе „либералы“ и какимъ оружіемъ сражались съ ними ихъ противники. Статьи, направленныя противъ газетной погони за сенсационными извѣстіями (№№ 58, 59), до сихъ поръ, къ сожалѣнію, сохраняютъ, отчасти, злободневное значеніе. Въ составъ книги вошли, наконецъ, характеристики политическихъ и литературныхъ дѣятелей, имена которыхъ едва ли скоро будутъ забыты: ген. Скобелева, В. О. Корша, И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, гр. М. Т. Лорисъ-Меликова.

Очень много мнѣ пришлось говорить въ восьмидесятихъ годахъ въ защиту земства (какимъ оно было создано въ эпоху великихъ реформъ), противъ слянія судебной власти съ административной, противъ внесенія сословнаго начала въ мѣстное самоуправленіе. Въ девяностыхъ годахъ я разбиралъ подробно новыя положенія земское и городское, внимательно слѣдилъ за первыми шагами земскихъ начальниковъ. Перепечатку статей, посвященныхъ этимъ темамъ, я нашелъ излишней: институтъ земскихъ начальниковъ — по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ установленъ въ 1889 г., — доживаетъ свои послѣдніе дни, несостоятельность дѣйствующихъ земскихъ и городскихъ учреждений не подлежитъ никакому сомнѣнію, и ихъ реформа не можетъ, не должна быть сведена къ простому восстановленію положеній 1864 и 1870 гг. Вопросы самоуправления и управленія должны быть поставлены на новую почву и освѣщены съ новыхъ точекъ зрѣнія.

Настоящій сборникъ будетъ, по всей вѣроятности, моей послѣдней книгой; не думаю, чтобы мнѣ было дано время собрать и издать хотя бы небольшую часть статей, написанныхъ мною послѣ 1894-го года. Мало отраднато мнѣ приходилось отмѣчать въ той лѣтописи текущихъ событій, которую я вель въ продолженіе многихъ десятилѣтій; но все же я могу сказать, словами Некрасова, что „завершая свой жизненный путь, я къ лучшему шагъ замѣчаю“.

К. Арсеньевъ.

Царское Село
9 апрѣля 1915.

I.

Судъ и административная расправа ¹⁾.

Государство признаетъ и обеспечиваетъ за каждымъ изъ своихъ гражданъ большую или меньшую сумму правъ, устанавливаемыхъ закономъ; оно охраняетъ его жизнь, здоровье, честь, свободу, собственность, оно отводитъ ему известную сферу дѣйствій въ дѣлахъ семейныхъ и общественныхъ. Не только интересъ частныхъ лицъ, но и интересъ государства требуетъ, чтобы всѣ эти права были по возможности неприкосновенны, чтобы они могли быть отнимаемы или ограничиваемы не иначе, какъ въ заранѣе опредѣленныхъ случаяхъ и съ соблюденіемъ заранѣе опредѣленнаго порядка. Другими словами, для отнятія или ограниченія права необходимо приговоръ *уголовнаго суда*, основанный *на уголовномъ законѣ*. Только законъ, какъ нѣчто постоянное, твердое и для всѣхъ доступное, можетъ указать тѣ нарушенія гражданскаго или государственнаго долга, которыя должны имѣть послѣдствіемъ отнятіе или ограниченіе права; только уголовный судъ, предоставляющій обвиняемому всѣ средства къ защитѣ и оправданію, соединяющій въ себѣ всѣ условія для спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ дѣлу,—можетъ рѣшить, существуетъ ли въ данномъ случаѣ нарушеніе и долженъ ли за него отвѣчать виновникъ. Одинаково несправедливо, одинаково опасно и вредно подвергать кого-нибудь наказанію за поступокъ, не запрещенный

---

¹⁾ Изъ статьи: «Итоги судебной реформы» («Вѣстникъ Европы», 1871 г., май).

уголовнымъ закономъ,—и опредѣлять наказаніе безъ предварительнаго изслѣдованія дѣла общимъ судебнымъ порядкомъ. Говоря о наказаніи, мы разумѣемъ, конечно, не тѣ только карательныя мѣры, которыя установлены уголовнымъ закономъ, а всякое вообще отнятіе или ограниченіе права, принадлежащаго человѣку, физически и нравственно правоспособному. По-нятно, напримѣръ, что ограниченіемъ свободы слѣдуетъ считать не только ссылку на поселеніе или на житье, предусмотрѣнную уложеніемъ о наказаніяхъ, но и всякую высылку изъ мѣста жительства, всякое стѣсненіе въ правѣ свободнаго его избранія. Тѣлесное наказаніе, производимое по распоряженію администраціи за неплатежъ недоимки или за участіе въ уличныхъ безпорядкахъ, отличается отъ тѣлеснаго наказанія по судебному приговору только однимъ: оно не можетъ быть оправдываемо даже тѣми мотивами, которые приводились прежде въ защиту послѣдняго. Ограниченіемъ права собственности является не только денежный штрафъ, но и всякое стѣсненіе или запрещеніе предпріятія, на которое затраченъ капиталъ или употреблена извѣстная сумма труда. Называйте подобныя мѣры какъ хотите: мѣрами для предупрежденія и пресѣченія преступленій, мѣрами для охраненія общественной безопасности, мѣрами, принимаемыми во имя общественнаго блага (*salut public*), — сущность ихъ отъ этого не измѣняется; исходя отъ администраціи, онѣ все-таки остаются ничѣмъ другимъ, какъ нарушеніемъ коренныхъ условій правильнаго общественнаго устройства.

Защитники административной расправы готовы признать отвлеченную справедливость того общаго начала, въ силу котораго всякое лишеніе или ограниченіе права должно исходить исключительно отъ суда; но они не вѣрятъ въ возможность осуществленія этого начала въ современной народной жизни или, по крайней мѣрѣ, считаютъ неудобнымъ слишкомъ послѣдовательное примѣненіе его на практикѣ. «Судъ — говорятъ они — дѣйствуетъ слишкомъ медленно, слишкомъ разборчиво, слишкомъ нерѣшительно; ему мало одного подозрѣнія — для него нужна полная увѣренность въ винѣ обвиняемаго; онъ обращаетъ вниманіе только на совершившіеся факты, а не на возможность ихъ совершенія; онъ не считаетъ себя въ правѣ наложить свою руку на самаго вреднаго человѣка, пока послѣдній ничѣмъ положительно не проявилъ своего вреднаго напра-

вления. Между тѣмъ, есть опасности, которыя необходимо предупредить заблаговременно, есть стремленія, которыя слѣдуетъ уничтожить въ самомъ ихъ началѣ и со всѣми ихъ корнями. Для исполненія этой задачи судъ безсиленъ; на помощь ему должна придти администрація. Если поспѣшность и крутость административныхъ мѣропріятій иногда требуетъ невинныхъ жертвъ, если лица виновныя—или могущія впоследствии сдѣлаться виновными—несутъ иногда наказаніе свыше настоящей или будущей вины своей, то съ этимъ можно и должно примириться при мысли о важности интересовъ, во имя которыхъ приносятся жертвы и налагаются преувеличенныя наказанія. Чтобы сохранить благосостояніе всѣхъ, позволительно пренебречь благосостояніемъ немногихъ». Въ подкрѣпленіе этихъ аргументовъ дѣлается обыкновенно ссылка на примѣръ всѣхъ государствъ, не исключая самыхъ просвѣщенныхъ—на высылку цѣлыми массами подозрительныхъ людей послѣ іюльскихъ дней 1848-го года и послѣ декабрьскаго переворота, на приостановленіе дѣйствія habeas corpus въ Ирландіи во время фенианскихъ заговоровъ, на арестъ Якоби во время послѣдней франко-германской войны и т. п.

Посмотримъ, прежде всего, въ какой степени убѣдительны эти примѣры. Во-первыхъ, они относятся всѣ не къ эпохамъ нормальнаго, спокойнаго теченія государственной жизни, а къ критическимъ минутамъ борьбы, внутренней или внѣшней, борьбы, ставящей на карту самое существованіе государства или правительства. Съ прекращеніемъ этихъ минутъ прекращаются и чрезвычайныя мѣры, ими вызванныя. Правда, во Франціи законъ общественной безопасности (loi de sûreté générale) существовалъ болѣе десяти лѣтъ сряду; но, за исключеніемъ первыхъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, онъ былъ только угрозой, никогда не исполнявшейся на самомъ дѣлѣ. Въ настоящее время мы не знаемъ ни одной европейской страны, въ которой личная свобода гражданъ зависѣла бы, *въ обыкновенное время*, отъ усмотрѣнія администраціи. Во-вторыхъ, кругъ дѣйствія чрезвычайныхъ мѣръ вездѣ и всегда ограничивается по возможности тѣсными предѣлами. Онѣ примѣняются только къ лицамъ, которыхъ правительство считаетъ въ данную минуту своими политическими врагами, а отнюдь не къ тѣмъ, кто дѣйствуетъ вопреки видамъ правительства или не подчиняется его требованіямъ по какому-нибудь частному во-

просу, еще менѣе — къ тѣмъ, кто приходитъ въ столкновение съ какимъ-нибудь отдѣльнымъ органомъ правительства. Въ третьихъ, часто ли чрезвычайныя мѣры достигаютъ своей цѣли? Въ однихъ случаяхъ, — когда правительство сильно поддержкой большинства или особыми условіями минуты, — онѣ оказываются излишними и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе несправедливыми (напримѣръ, арестъ Якоби); въ другихъ случаяхъ, когда неудовольствіе имѣетъ глубокіе корни, онѣ оставляютъ вопросъ въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ онъ былъ прежде (пріостановленіе habeas corpus въ Ирландіи); иногда, наконецъ, онѣ отзываются столь же тяжело на тѣхъ, кто ихъ принялъ, какъ и на тѣхъ, противъ кого онѣ были приняты (іюньскія и декабрьскія высылки во Франціи).

Чрезвычайныя административныя мѣры можно сравнить съ необходимой обороной: онѣ извинительны только тогда, когда онѣ неизбежны, когда опасность, ихъ вызывающая, такъ настоятельна, такъ велика, что нѣтъ другихъ средствъ къ ея устраненію. Но если въ правильно организованномъ обществѣ состояніе необходимой обороны является рѣдкимъ исключеніемъ даже для частныхъ лицъ, предоставленныхъ своимъ собственнымъ, крайне ограниченнымъ силамъ, то тѣмъ рѣже оно можетъ наступать для правительства, располагающаго всѣми средствами страны, имѣющаго подъ рукою судъ, полицію, войско, опирающагося на вѣковую привычку повиновенія, на весь историческій строй народной жизни. О серьезной опасности, угрожающей правительству, можетъ быть рѣчь только тогда, когда въ странѣ готовится открытое, обширное возстаніе, и когда прошедшее ея сулитъ этому возстанію какіе-нибудь шансы успѣха. Такое положеніе дѣлъ возможно въ настоящее время, если мы не ошибаемся, только для двухъ европейскихъ государствъ — для Франціи и Испаніи. Когда чрезвычайныя мѣры не соответствуютъ опасности, въ виду которой къ нимъ прибѣгаютъ, тогда неизбежно является то, что на языкѣ юридическомъ называется *превышеніемъ необходимой обороны*. Виновные смѣшиваются съ невинными, о соразмѣрности между степенью вины и степенью отвѣтственности никто и не помышляетъ; реакція противъ движенія (или противъ возможности движенія) продолжается и тогда, когда опасность давно миновала; порядокъ вещей, созданный условіями случайными и скоропреходящими, надолго переживаетъ эти условія. Отсюда произте-

каетъ новая опасность, часто болѣе серьезная, чѣмъ та, изъ-за которой началась вся тревога. Въ обществѣ исчезаетъ чувство законности и безопасности, необходимое не только для спокойствія частныхъ лицъ, но и для успѣшнаго развитія всего народа, для внутренней силы государства; никто не считаетъ себя обезпеченнымъ въ пользованіи своими правами, никто не сознаетъ надъ собою твердой охраны ненаружимаго закона. Если элементы движенія преобладаютъ въ государствѣ надъ элементами застоя, послѣдствіемъ такого положенія дѣлается всеобщее возбужденіе умовъ противъ правительства; въ противномъ случаѣ разнуздываются всѣ ретроградныя стремленія и страсти, къ административному давленію присоединяется невыносимый гнетъ большинства надъ меньшинствомъ, и реакція заходитъ далеко за тѣ предѣлы, которые были начертаны для нея первоначально самимъ правительствомъ.

Зачѣмъ заботиться о лицахъ, добровольно идущихъ на встрѣчу своей участи, — могутъ сказать намъ приверженцы чрезвычайныхъ административныхъ мѣръ, — зачѣмъ видѣть опасность для цѣлаго общества въ томъ, что угрожаетъ только немногимъ злоумышленникамъ, скрывающимся въ его средѣ? Это возраженіе не ново; во время первой французской революціи оно было высказано въ знаменитой фразѣ: «*que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent*». Къ сожалѣнію, различіе между *bons* и *méchants* устанавливается на практикѣ не такъ легко, какъ въ теоріи. Стоитъ только объявить извѣстную категорію лицъ людьми подозрительными (*suspects*) — и черезъ нѣсколько времени никто не будетъ знать, гдѣ начинается и гдѣ оканчивается эта категорія. Несдержанное и точнымъ опредѣленіемъ закона, ни правильными обрядами судопроизводства, усердіе, даже самое благонамѣренное, скоро теряетъ чувство мѣры и осторожности. Понятіе о политическомъ преступленіи — или, лучше сказать, о политической неблагонадежности, — дѣлается все болѣе и болѣе эластичнымъ; къ признакамъ такой неблагонадежности присоединяются черты, не имѣющія съ нею ничего общаго. Гражданинъ, безусловно повинующійся законамъ своего государства, сообразующій съ ними всю свою дѣятельность, можетъ быть совершенно увѣренъ въ томъ, что онъ не будетъ привлеченъ къ суду за государственное преступленіе, — развѣ по недоразумѣнію, которое не замедлитъ разъясниться; но онъ никогда не можетъ быть

увѣренъ въ томъ, что не навлечетъ на себя подозрѣній администраціи, вооруженной чрезвычайной властью. Множество дѣйствій, въ существѣ своемъ совершенно безвредныхъ и невинныхъ, могутъ показаться въ данную минуту опасными для государства и повлечь за собою репрессивныя мѣры. Участіе въ томъ или другомъ, хотя и не запрещенномъ журналѣ, составленіе корреспонденцій для иностранной газеты, переписка, хотя бы по самому пустому предмету, съ подозрительнымъ лицомъ—все можетъ обратиться въ источникъ бѣды, непредвидѣнной и потому непредотвратимой. Прибавимъ къ этому, что чрезвычайная власть, въ рукахъ того или другого изъ ея органовъ, легко можетъ быть направлена къ достиженію чисто личныхъ цѣлей.

Тамъ, гдѣ административная расправа представляется не временнымъ явленіемъ, вызваннымъ чрезвычайными обстоятельствами, а какъ бы нормальнымъ государственнымъ учрежденіемъ, къ опаснымъ сторонамъ ея, уже указаннымъ нами, присоединяется еще одна: распространеніе ея круга дѣйствій далеко за предѣлы чисто-политической жизни. Кромѣ государственныхъ преступленій есть и другія, требующія, повидимому, особенно быстрой и энергической репрессіи—и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія, намъ уже знакомой, вызывающія вмѣшательство администраціи въ область уголовного суда. Сюда относятся, на примѣръ, неповиновеніе крестьянъ распоряженіямъ начальства, хотя бы и чуждое всякаго политическаго оттѣнка, стачки рабочихъ, пропаганда новаго религіознаго ученія и т. п. Отсюда одинъ только шагъ до допущенія карательныхъ административныхъ мѣръ и за такія дѣйствія или упущенія, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго, но которыя почему-нибудь считаются вредными для государства—напримѣръ, за неуплату недоимокъ, за попытки переселенія большими массами изъ одной части государства въ другую. Рядомъ съ законнымъ порядкомъ преслѣдованія и наказанія устанавливается, такимъ образомъ, другой, имѣющій очень мало общаго съ первымъ. Нетрудно понять, въ какой степени это способствуетъ укорененію довѣрія къ закону...

Въ Россіи эта аномалія сдѣлалась особенно замѣтной со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ. Пока судъ мало чѣмъ отличался отъ администраціи, пока отправленіе его совершалось въ тайнѣ, безъ всякаго участія общества, до